Поиски и находки
Часть 5. Григорий Шнеерсон

Все части

Григорий, старший сын Рахили (Розы) и Менделя (Михаила) Шнеерсонов родился 28 февраля (13 марта) 1901 г., в Енисейске, Восточная Сибирь, где его отец отбывал политическую ссылку. Вернувшись после ссылки в Витебск, семья жила в доме с матерью Рахили Любовью Либаковой. Гриша был не только музыкально одаренным мальчиком, он с детства увлекался литературой, запоем читал книги, быстро осваивал иностранные языки, став настоящим полиглотом: он разговаривал на немецком, английском, французском, знал испанский, который с увлечением освоил в 1936-37 гг. во время гражданской войны в Испании. Он читал по-итальянски, по-польски, а в 40-е годы, уже немолодым человеком, усердно изучал китайский и тогда же написал первую на русском языке книгу о музыке Китая.

Г.М. Шнеерсон на Конгрессе музыкальных деятелей в Академии искусств ГДР, Берлин, 1980-е гг.

Корней Чуковский с детьми, Гриша – первый слева, Витебск, 1913 г.

О его увлечении литературой свидетельствует такой эпизод. Как-то отец Гриши, Мендель Шнеерсон, по свидетельству его старшей сестры Лены, очень любивший и прекрасно знавший литературу, показал ему и сестре статью Корнея Чуковского в газете «Речь», где литератор насмешливо отзывался о творчестве модной тогда детской писательницы Лидии Чарской, которое так нравилась Елене, Грише и их товарищам. Тогда они написали Корнею Ивановичу «дерзкое письмо», в котором высказывали свое несогласие с его доводами. Каково же было удивление простых витебских ребят, когда известный писатель Корней Чуковский ответил на их письмо. Он писал, что будет рад подискутировать на эту тему при личной встрече во время посещения Витебска осенью 1913 года. Когда вскоре литератор приехал в город на Западной Двине, чтобы выступить там с лекцией о творчестве Оскара Уайльда, ребята отправились на лекцию, а после ее окончания подошли закулисами к писателю. Вместе с Леной, Гришей и другими детьми, а также просто с горожанами Корней Иванович гулял по городу, рассуждал о литературе, был в гостях в семье Шнеерсонов. Подробней об этом эпизоде я расскажу в следующей части этой серии эссе.

Во второй части этих очерков – «Ищите и обрящете…» я упомянул книгу Анны Масс «Писательские дачи», в которой писательница, в частности, рассказывала о визите своего отца Владимира Масса к родственникам Либаковым в Витебск. Во время этого визита была сделана фотография, которая как бы связывает вместе

представителей трёх ветвей генеалогического древа – Массов, Либаковых и Шнеерсонов. Эта, уже ставшая исторической, фотография хранилась длительное время у Анны Масс, а после её смерти копию этого фото прислала Нине Поповой Мария Янтовская, близкая родственница Анны. На фотографии, снятой летом 1914 года на крыльце дома в деревне под Витебском, предположительно, Доброполье, можно увидеть, в частности, и Гришу Шнеерсона: он во втором ряду – первый справа, в белой панамке.

Родственники, деревня под Витебском, лето 1914 г.

В 1915 г. он поступил в Петроградскую консерваторию, где до 1918 года занимался по классу фортепиано, а затем перевёлся в Московскую консерваторию, где учился у известных педагогов Н.К.Метнера и К.Н.Игумнова. Юность Григория Шнеерсона совпала с началом установления власти большевиков в стране. Он сам рассказывал, как 16-летним студентом консерватории вступил в ряды народной милиции и с красной повязкой на рукаве патрулировал на улицах революционного Петрограда. Свой творческий путь Григорий начинал как концертмейстер в

различных театральных коллективах Москвы (студия Пролеткульта, «Синяя блуза», Театр Сатиры) и Витебска (Второй Белорусский драматический театр), успешно совмещая первое время учёбу в консерватории с работой в качестве аккомпаниатора. Любопытная деталь: в первую годовщину октябрьского переворота в составе пролеткультовской концертной группы он выступал на праздничном вечере перед В.И.Лениным и Н.К.Крупской, По свидетельству его друзей, это был предмет особой гордости Григория Шнеерсона, о чём он неоднократно вспоминал всю свою жизнь.

Григорий Шнеерсон, снимок 1936 г.

Г.М.Шнеерсон и Э.Буш за работой над новым альбомом грамзаписей певца, Берлин, 1978 г.

С американским певцом Дином Ридом

В 20-е годы Григорий Шнеерсон был сотрудником музыкального бюро МОРТа — Международного объединения революционных театров. Здесь завязалась его личная дружба со многими зарубежными писателями, музыкантами и другими деятелями культуры, посвятившими себя борьбе за коммунистические идеалы. Его ближайшим другом, с начала 30-х годов, стал известный певец германского рабочего класса Эрнст Буш. Ещё одним другом Григория был Дин Рид, известный американский певец, киноактёр, кинорежиссёр и общественный деятель, пользовавшийся огромной популярностью в СССР, странах Латинской Америки и Восточной Европы.

С начала 1930-х годов и до конца жизни Григорий занимался развитием и укреплением международных связей Советского Союза в области музыкальной культуры, работая в различных художественных организациях. Среди них: уже упомянутый МОРТ в котором Григорий работал ответственным секретарём музыкальной секции (с 1932 г.), Союз композиторов СССР (секретарь Иностранного бюро, с 1936 г.), Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС, сначала консультант, а затем — заведующий музыкальным отделом, с 1942 по 1948 гг.), журнал «Советская музыка» (заведующий зарубежным отделом, 1948—1961 гг.).

В первые месяцы Великой Отечественной войны Григорий Шнеерсон в качестве дирижёра возглавлял один из дивизионных ансамблей. Вскоре после войны в стране начала раскручиваться антисемитская кампания. Пик этой кампании пришелся на январь 1949 года, когда в газете «Правда» была опубликована большая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая дала старт новому этапу разнузданной антисемитской пропаганды, слегка завуалированной под борьбу с так называемыми «безродными комополитами». Однако ещё раньше, в марте 1948 года, в ЦК ВКП(б) поступила служебная записка с грифом „Секретно“ об организации суда чести над музыковедами. Записку подписал председатель Комитета по делам искусств при Совмине СССР Поликарп Лебедев. В этой записке клеймились музыкальные критики и музыковеды И.Бэлза, Л.Мазель, И.Мартынов, Д.Житомирский, Г.Шнеерсон, С.Шлифштейн, которые якобы «на протяжении ряда лет в печати и в публичных лекциях пропагандировали „идеи“ современного упадочного буржуазного музыкознания, проповедовали

низкопоклонство перед разлагающейся буржуазной культурой, умаляли роль и значение русской классической музыки, систематически пропагандировали формалистическое направление». Подбор имён «героев» этого доноса говорит сам за себя. В записке особое внимание было уделено «критике» музыковеда Григория Шнеерсона. Прошу прощения у читателей за ещё одну пространную цитату, но она стоит того, чтобы привести ее полностью.

Итак…

> «Музыкальный критик Г.Шнеерсон пропагандировал на страницах советской печати современную упадочную американскую, английскую и французскую музыку, некритически восхваляя ее. Его работы „Леопольд Стоковский“ („Советская музыка“, 1941 г., №5), „Порги и Бэсс“ („Советская музыка“, 1946 г., №5-6), „Музыкальная Франция“ („Советская музыка“, №11) полны раболепного преклонения перед западной буржуазной музыкой и ее деятелями. В 1945 году Шнеерсон писал: „Меня, как человека, много лет наблюдающего за успехами американского музыкального творчества, не может не радовать широкое признание нашей массовой советской аудиторией Джорджа Гершвина. Это настоящая музыка, которая никого не оставляет равнодушным. И при том это новая музыка, свежая, полнокровная, в которой бьется пульс американской жизни“».

Не удалось выяснить, состоялся ли этот «суд чести», но доподлинно известно, что Григория не арестовали, не бросили в тюрьму, правда, он был отстранён от работы в ВОКСе, т.е., как говорят, «отделался лёгким испугом». Более того, вскоре он был назначен заведующим иностранным отделом журнала «Советская музыка», в котором проработал 12 лет, с 1948 по 1960 гг.

Современники Григория Шнеерсона, его коллеги по аппарату Союза композиторов и редакции журнала «Советская музыка» отзывались о нем, как об интеллегентном человеке, добром и скромном, внимательном к людям, всегда готовом прийти на помощь. Отмечалась также его необыкновенная трудоспособность и поразительная увлечённость своим делом.

здесь и сразу пошла в оборот. В эту пятницу в Карнеги Холл
швейцарская пианистка Маргрит Вебер исполнит впервые в Америке
версию для рояля и струнного оркестра моих Багателей/сочиненных
еще в России, оркестрованных мною для нее несколько лет назад/.
На будущей неделе я приглашен в Чикаго на исполнение моей
4 й Симфонии Шарлем Мюнхом, а оттуда в Спрингфильд Охайо на
исполнение этой же симфонии Робертом Вилей и Багателей в
версии для рояля и полного оркестра пианистом Робертом Ховатом
Предстоят также концерты , а все свободное время посвящено
сочинению 6го Фортепьянного Концерта по заказу той же Маргрит
Вебер.
Мы останемся в Нью Йорке до конца мая, а с Июня по Ноябрь
опять будем в Европе .
Какие Ваши планы на лето и на осень ? Так бы хотелось пови-
даться.
Сейчас я, когда могу, читаю переписку Чайковского с Танеевым,
и много там сносок на переписку Чайковского с мадам Мекк ко-
торую я никода не читал и которую здесь невозможно найти ни
по русски ни по английски. Если она еще не исчезла из про-
дажи и ее могли бы Вы мне найти и прислать я был бы Вам глу-
боко благодарен : а если она уже не в обращении и Вы могли бы
мне ее раздобыть из какой либо библиотеки я бы Вам вернул
ее по прочтении.
Напишите если могу что либо Вам отсюда доставить - с удоволь-
ствием это сделаю. О новой книге Стравинского не слышал, но
если пришлете мне точный титул смогу конечно разыскать.
В Нью Йорке все легче находить чем в Чикаго.

Приветсвуйте пожалуйста от меня наших дорогих друзей,
не забывайте, пишите,
всего, всего Вам хорошаго и добраго.

Сердечно Ваш
А. Черепнин

我很希望有機会認識您.
您的中國字寫得真正好!
我十分欽仰您的能幹.
祝
安康! 快樂!

李獻敏謹上
一九六五年二月十二日
于紐約

Фрагмент письма А.Н.Черепнина к Г.М.Шнеерсону с припиской на китайском языке, сделанной Григорием, февраль 1965 г.

В качестве примера его работоспособности и устремленности приведу фотокопию

фрагмента письма американского композитора и пианиста А.Н.Черепнина к Г.М.Шнеерсону от 23 февраля 1965 г. с припиской на китайском языке, сделанной Григорием. Письмо начинается с фразы: «Дорогой Григорий Михайлович, спасибо большое за Ваше письмо, а жена специально благодарит Вас за приписку: оба мы поражены Вашим языкознанием, а я прямо-таки Вам завидую. Когда и как Вы изучили китайскую грамоту?!». Оказывается, что когда Григорий Михайлович приступил к написанию монографии о китайской музыке, то для этого он специально изучал китайский язык.

DEUTSCHE DEMOKRATISCHE REPUBLIK

DEUTSCHE AKADEMIE DER KUNSTE ZU BERLIN

GELEITET VON DEM WUNSCH, IHRE VERBINDUNG
MIT HERVORRAGENDEN KÜNSTLERN DES AUSLANDES
FESTER ZU KNÜPFEN UND DAMIT
EINER HUMANISTISCHEN KUNST UND EINEM LEBEN
IN FRIEDEN UND SICHERHEIT ZU DIENEN,
HABEN DIE ORDENTLICHEN MITGLIEDER
DER DEUTSCHEN AKADEMIE DER KÜNSTE ZU BERLIN

DEN MUSIKWISSENSCHAFTLER

Professor Grigori M. Schneerson

IN EHRENDER ANERKENNUNG
SEINER GROSSEN LEISTUNGEN ZUM
KORRESPONDIERENDEN MITGLIED
GEWÄHLT

BERLIN, IM JUNI 1968

DER PRÄSIDENT

Диплом чл.-корр. Академии искусств ГДР, Берлин, июнь 1968 г.

За полвека работы в области международных отношений у Григория Шнеерсона, который мог общаться на семи иностранных языках, появились деловые и дружеские контакты с музыкантами по всему миру. С ними Григорий обменивался не только письмами, но и нотной литературой, а также различными документами, отражающими музыкальную жизнь мирового сообщества. Именно на этих материалах в значительной степени основаны журнальные статьи и переводы ученого, а также более десятка научных монографий, составляющих его литературное наследие. Из наиболее капитальных трудов стоит назвать монографию «Музыкальная культура Китая», изданную в 1952 г., а также книги «О музыке живой и мёртвой» (1960 г.), «Французская музыка XX века» (1964 г.), «Портреты американских композиторов» и «Американская песня» (1977 г.).

Г.М.Шнеерсон, Т.Н.Хренников и А.И.Хачатурян с Л.Стоковским во время визита американского дирижёра в СССР, Москва, июнь 1958 г.

****

Автор: Якуб Заир-Бек,
(фотографии из архивов Нины Поповой и автора)
продолжение следует

Предыдущая часть

Следующая часть